http://www.darial-online.ru/2010_4/isaenko.shtml

Анатолий ИСАЕНКО, Скотт ДЖЕССИ

АЛАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ВИЗАНТИЮ.1301-1306 гг.

Вот уже более столетия военные предприятия XIV-го века занимают воображение западных ученых, в частности, благодаря испанским наемникам так называемой Каталанской Компании под предводительством весьма экзотической фигуры Рогера де Флора (Roger de Flor). Однако, гораздо более значительный вклад в военную историю указанного времени другой, этнически более сплоченной группы наемников, состоявшей из алан – закаленных ветеранов монгольских армий Золотой Орды, оказался недооцененным, если вообще известным как западным, так и российским специалистам.

Начало XIV в. отмечено серьезными военными неудачами Византийской империи в Анатолии и первыми военными победами основателя Оттоманского государства – турецкого лидера Османа. Исследование особой роли аланского военного контингента может пролить дополнительный свет на причины военных поражений византийцев в Анатолии. Кроме того, большая часть алан, выживших в их кавказских цитаделях, с течением времени стала современными осетинами, которые живут в Российской Федерации и составляют проблемную часть Грузинской Республики – независимой Южной Осетии, признанной Россией. Поэтому любой аспект их истории вызывает повышенный интерес на Западе.

Ученых Западной Европы, особенно испанских, давно привлекают приключения Каталанской Компании на Востоке.

Они любят сравнивать их с предприятиями Кортеса и Писарро в Америке. Каталанская Компания состояла из арагонцев, калабрийцев и сицилийцев. Однако свое название она получила из-за того, что большинство командиров и наиболее опытных воинов были каталанцами. Их костяк составляли так называемые «алмогаверы» (Almogavers) – хорошо обученные легковооруженные пехотинцы, преимущественно из пределов объединенного королевства Арагона и Каталонии.[1] Поскольку это королевство теперь является частью испанского государства, историю этой компании изучают преимущественно испанские историки. В процессе исследования они обнаружили, что с византийской стороны каталанцам противостояли другие профессиональные наемники – аланы. В конце XIX в. каталонский ученый Антонио Рубио-и-Ллуч большую часть своей научной карьеры посвятил детальному исследованию истории Каталанской Компании.[2] В 1972 г. Алфонсо Лоуи сделал эти исследования достоянием англоязычной аудитории, благодаря своей работе под названием «Месть каталанцев».[3] Сравнительно недавно другой каталонский ученый Агусти Алемани сфокусировал свой интерес непосредственно на аланах.[4]

Однако его замечательная работа все еще стоит особняком, так как западные ученые, в основном, лишь упоминают алан в контексте их главного интереса, полностью сконцентрированного на каталанцах.

Алан же они характеризуют только как византийских наемников и злейших врагов каталанцев. Их позицию можно выразить грубой ковбойской фразой: «То, что осталось от Византийской империи, было недостаточно для двух банд, поэтому одна банда уничтожила другую». Ввиду такого отношения западных историков, большой удачей можно считать то, что исторические источники того времени сохранили довольно подробные отчеты об аланском контингенте и доступны в переводе на современные западные языки. Основным источником, которым сегодня пользуются западные исследователи Каталанской Компании, является «Хроника» Рамона Мунтанера, каталанского офицера указанной компании.[5] Он был не только непосредственным участником всех основных баталий компании, но и финансировал ее предприятия и, таким образом, имел доступ ко всем отчетам о ее действиях. Кроме того, он обладал несомненным талантом писателя. Мунтанер писал на средневековом каталанском языке, и его хроника была переведена на испанский и английский.[6] Страстно защищая действия своих соратников и в уничижительном тоне говоря о византийцах, Мунтанер, тем не менее, не мог скрыть своего восхищения военными качествами алан и сообщает о них очень интересную информацию. Другой исторический отчет под названием «Экспедиция каталанцев и арагонцев против турок и греков» принадлежит перу ученого-аристократа Франсиско де Монкада (1620г.).[7] Автор не ограничился простым пересказом хроники Мунтанера. Монкада тщательно сравнил и критически оценил свидетельства очевидцев и различные отчеты современников, как каталанцев, так и греков, составив, в отличие от Мунтанера, довольно объективное сочинение, во всех эпизодах которого, где аланы пересекались с каталанцами, самым высочайшим образом оценивал достоинства именно алан.

Однако, чтобы оценить роль алан в этой истории наиболее объективно и полно, мы считали необходимым привлечь греческие источники. В этом отношении нельзя переоценить значение такого византийского источника как Relationes Historicas Георгия Пахимера (~1242-1310 гг.).[8] тот источник является изложением событий в империи с 1256 по 1307 годы. Пахимер приводит наиболее полный отчет об экспедиции алан. Будучи высокообразованным и хорошо информированным человеком, Пахимер близко общался с императорами Михаилом VIII и сыном последнего Андроником II (1261-1308гг.). К сожалению, этот важный источник написан столь вычурным языком, что делает интересующие нас эпизоды довольно трудными для понимания истинных оценок автора Как отмечал сам автор, считая, что то или иное правдивое изложение может повредить политическим интересам (империи), он просто опускал эти сюжеты. В этом отношении Пахимер является несомненным предшественником и учителем многих современных историков, охотно жертвующих истиной в угоду политической конъюнктуре и следующих так называемой «политкорректности». В то же время Пахимер утверждал, что он писал о том, чему был сам непосредственным очевидцем, либо о том, что узнавал у участников описываемых событий, критически сравнивая их отчеты для объективности изложения. Так же поступим и мы, сравнивая заметки самого Пахимера об аланах с соответствующими сведениями из хроники Мунтанера и других источников, описывающих аналогичные события.[9]

Другой греческий источник, используемый нами, Historia Rhomaike Никифора Грегоры, был составлен через поколение после произошедших событий.[10] Этот источник читается легче, чем Пахимер, но отсутствие опыта непосредственного очевидца заставляет нас в тех случаях, когда описание одних и тех же событий в этих источниках разнятся, отдавать предпочтение Пахимеру. Тем не менее, иногда

Грегора приводит любопытные детали, которые следует учитывать.[11]
Таковы основные источники, необходимые для понимания короткой, драматической и, по нашему мнению, очень важной истории алан, призванных на службу к императору Андронику II и его сыну Михаилу IX. Оба эти правителя Византии были вынуждены учитывать катастрофическую военную ситуацию, сложившуюся в Анатолии в конце XIII века: у них не было флота, очень мало войск и денег. Турки контролировали основные сельскохозяйственные районы и наступали на главные имперские города.[12] Таким образом, когда 16000 алан, из которых 8000 были великолепно подготовленными воинами, в 1301 г. прибыли на границу с Болгарией и предложили свои услуги византийцам, это, по словам Пахимера, «было воспринято как вмешательство божественного провидения, дарующего эту помощь».[13]
Прибывшие аланы были частью того народа, который издавна населял северные и южные склоны северо-западного и центрального Кавказа, а также степи Северного Кавказа, Дона и Нижнего Поволжья. В1238 г. огромные полчища монголо-татар обрушились на Аланию и начали ее систематическое покорение. В результате часть алан оказалась на службе у монгольских ханов.[14] Долгое время один из контингентов аланской кавалерии сражался под командованием хана Золотой Орды Ногая в самых западных пределах Монгольского царства. Пахимер утверждал, что они (как и другие народы) служили у монголов достаточно продолжительное время, чтобы усвоить их язык и обычаи. Ногай установил тесные связи с Византией и даже женился на незаконнорожденной дочери императора Михаила VIII.
Однажды он уже посылал своих воинов, чтобы оказать поддержку императору, и среди этих воинов были аланы. Во всяком случае, аланы хорошо знали, кому предложить свои услуги после того, как Ногай погиб в битве при Куканлыке в 1299 г., и они оставили свою службу у монголов. Пахимер замечает по этому поводу, что аланы были христианами и «друзьями римлян с давних времен».[15] Грегора подтверждает, что аланы, которые вступили в контакт с Андроником, были христианами и что им не по своей воле пришлось служить в монгольской армии. Но особенно их тяготил тот факт, что они были вынуждены подчиняться «неверным», так как Ногай принял ислам.[16]
По-видимому, эта группа алан через Болгарию вышла на границу империи в районе дельты Дуная, где обратилась к епископу Битцины, чтобы он передал их предложение императору Андронику. Аланы обещали помочь византийцам в их борьбе с турками в Анатолии, где ситуация была «отчаянно серьезной»,[17] если император возьмет их на службу. Это предложение было с воодушевлением принято. Андроник хорошо знал о выдающихся военных качествах алан, которые зарекомендовали себя наилучшими иноземными бойцами в византийских войсках еще в период династии Комненов. Пахимер пишет о них как о «великодушной нации», о воинах, благодаря которым Ногай сумел одержать свои самые значительные победы. Император немедленно отправил аланам официальное приглашение. Были приняты необходимые меры, чтобы за счет Фракии и Македонии наладить постоянное снабжение алан. В империи хорошо знали, что аланские кавалеристы нуждаются в таком снабжении, чтобы все свое время отдавать постоянным военным тренировкам, благодаря которым они в любой момент могли принять участие в решающих сражениях. Специальная команда была отправлена на границу, чтобы обеспечить аланам удобный маршрут в имперские пределы.
Из Болгарии аланы отправились вместе со своими семьями в кибитках и повозках. Андроник ввел специальный налог, за счет которого аланам должно было выплачиваться жалование, а также

снабдил их лошадьми и вооружением за счет своей армии. Источники не уточняют, зачем аланам нужно было так много лошадей и какой тип вооружения был им предоставлен, но все они отмечают, что имперские власти вложили большие средства в обеспечение алан всем необходимым. Пахимер, в частности, сообщает, что Андроник более не верил в способности своих войск противостоять туркам и был убежден, что только аланы могут с этим справиться.

Мы можем предположить, почему аланы нуждались в почти фундаментальном перевооружении. Оно должно было отвечать их традиционной тактике сражаться тяжеловооруженными конными соединениями. Для этого нужны были особо подготовленные, сильные кони, способные нести тяжеловооруженного всадника.

Реставрация вооружения и бронезащиты аланских конников и пехотинцев XIII-XV вв. на основе археологических артефактов дает довольно полное представление о том, как дорого могла стоить такая армия.[18] Кроме того трудно представить, чтобы монголы могли отпустить алан, фактически дезертировавших из их армии, снабдив их всем необходимым в дорогу, а также разрешить им захватить с собой лучшее вооружение.

Однако и византийцы, несмотря на значительные затраты, не смогли обеспечить все, чтобы полностью восстановить аланскую боевую мощь. Кроме того, император, или, скорее всего, его воеводы предприняли такие действия в отношении формирования аланских частей, которые, как мы покажем далее, значительно подорвали их боевую эффективность. Традиционно аланы привыкли сражаться в составе большого соединения в едином строю. Так было и при Ногае. Поначалу император также «просил, чтобы аланы воевали в Анатолии в своей привычной манере, то есть все вместе так, чтобы они могли поддерживать друг друга в бою». Подразумевалось, что в монгольской армии Ногая аланы составляли отдельный тумен в 10 000 человек под командованием аланских же офицеров.[19] Такой контингент находился под единым началом верховного военного руководителя, чей авторитет лидера был непререкаем и который поддерживал в своем войске железную дисциплину. Мунтанер упоминает такого аланского вождя по имени Гиргон. Византийский источник называет его на греко-христианский манер (видимо, по созвучию) Georgous т. е. Георгий. Под этим именем он упомянут в 1304 году, когда аланы уже воевали с каталанцами.[20]

Некоторые подробности, описывающие Гиргона, его стать и особенности поведения, дают основание предположить, что он был верховным вождем алан. Об этом говорит и его алано-осетинское имя. В осетинском языке корень goyr/gurae означает «фигура», а в соединении с kond-goyr(y)kond=gyrkond, где флексия «d» в устной речи может выпадать, дает Girkon/Girgon. Имя, достойное главнокомандующего, поскольку оно обозначает «хребет, главная опора, большая фигура» – вождь.[21] Таким образом, Georgous является греческой транслитерацией аланского имени Гиргона/Гиркона. Вполне возможно, что его христианское имя и было Георгий. Ведь согласно нашим источникам эти аланы были православными христианами. Традиция иметь два имени: местное, аланское, и христианское имела давние корни и была широко распространена у алан. Так, например, знаменитый вождь алан, отличившийся в борьбе с норманнами в 1107-1108 гг. на стороне византийцев, был им известен как Rhosmices, что соответствует алано-осетинскому Uarazmag/Uyryzmag/Uryzmag или Orazmag. Однако он носил также и христианское имя – Андрей.[22] Имя святого Георгия – основного небесного покровителя алан-осетин (как и святого Андрея, а также архангела Гавриила) давалось только

представителям княжеских прославленных родов. Это еще одно косвенное доказательство наших источников высокого положения Гиргона среди аланских воинов.

Позже Пахимер указывает и на другого лидера алан, которого он прямо называет «их вождь Кирситес». В отношении его имени мы можем предложить следующую этимологию. Согласно В.И. Абаеву, в осетинском языке kyrysti/kyryste означает Христос. Это алано-осетинское имя, по-видимому, звучало kak Kiriste, но с добавлением греческой флексии -s в греческой транслитерации приобрело форму Kirsites, что означает Христианин (аналог женского Христина-Кристина).

Эти факты дают основание утверждать, что аланы смогли совершить свой исход из Золотой Орды к границам Византии с семьями воинов, входивших во вполне определенное и значительное воинское подразделение во главе со своими знатными командирами, скорее всего, представлявшими аристократические аланские фамилии. И, если это так, то византийские военные власти своими действиями, вызванными неизвестными источникам причинами, разрушили командную структуру и воинское единство вновь прибывшего аланского легиона/тумена. Они разбили его на три отдельных контингента. Один, наибольший, был отправлен на восток. Другой, под командование греческого гетериарха Музалона, для защиты опорного пункта Гализона. А наиболее элитная часть – под начало молодого и неопытного императора Михаила IX. Ситуация настолько ухудшилась, что византийцы сочли необходимым, чтобы молодой император сам встал во главе войск.[23] Отчеты Пахимера и Грегоры позволяют проследить за действиями всех трех подразделений аланского контингента. Византийское командование серьезно подорвало единство и взаимодействие аланских воинов. Во всяком случае, отмечает источник, «уже не было среди них прежнего взаимного уважения и взаимовыручки». Этим подчеркивается, что первоначальный контингент был разбит на части без учета того, что низовые военные единицы алан обычно состояли из кровных родичей и односельчан (десятки и сотни), сражавшихся плечом к плечу, не терпящих позора бегства, который мог запятнать весь род. Именно так описывали действия алан ранние византийские источники.[24] Такой строй отличал и монголов, а также позже казаков, служивших в кровно-родственных и одностаничных низовых подразделениях вплоть до первой мировой и гражданской войн. Во всех случаях он обеспечивал наиболее эффективные и храбрые действия воинских подразделений. Византийцы опрометчиво нарушили эту традицию. Пахимер отмечает, что дисциплина в первом аланском подразделении сразу упала, как только оно отправилось в Анатолию. По его словам, аланы «немедленно стали руководствоваться своими обычаями, нежели слушаться (греческих) начальников (chiliarches), навлекая беды на римлян».[25] Они грабили их окрестные поселения как вражеские. В это же время в битве при Хине у Геллеспонта они, по словам источника, повели за собой византийцев и одержали блестящую победу над турецкой рейдерской партией, захватив пленных и богатую добычу.[26]

Такие противоречия, описанные источником, объясняются непониманием традиций аланских воинов. Во-первых, их неуважение к греческим военачальникам было вполне резонным: последние не разбирались в военной тактике алан. Кроме того они не обеспечили обещанные поставки вооружения и снабжения алан и их семей, нарушив оговоренные обязательства, взятые византийской стороной при найме алан на имперскую военную службу. Отсюда вынужденный грабеж римских поселений и присвоение добычи, взятой в битве при Хине. Рыцарские традиции аланского воинства заставляли их следовать обязательствам

и сражаться до конца, презирая любые опасности, чтобы не обесчестить себя и не «навлечь позор на весь род». Но другая сторона договора должна была вовремя обеспечивать их всем необходимым, относясь с уважением к их обычаям и не вмешиваясь в их военную подготовку со своими порядками.[27] Наши источники говорят о том, что, в конце концов аланы из этого контингента перестали подчиняться приказам греческих командиров. Алемани считает, что после этого аланы присоединились к армии, которой командовал Михаил IX.[28] Другая их группа была направлена под начало гетериарха Музалона, который командовал византийскими войсками в Вифинии. Осман, однажды нанесший поражение Музалону, объединил турок под своими знаменами и угрожал Никомедии. Несмотря на то, что у Музалона было всего 2000 воинов, половину которых составляли аланы, он решил дать бой в пяти километрах от Никодемии, у местечка Вафей, 27 июля 1302 г. Ввиду огромного численного превосходства турок поражение было неминуемо. При первых же жертвах византийская часть войска отступила в направлении Никомедии, предоставив аланской кавалерии прикрывать их бегство. Пахимер пытался оправдать такое предательское поведение недовольством тем, что часть их денег и лошадей были переданы аланам. В то же время он признавал, что аланы стояли насмерть и выполнили свою задачу по прикрытию византийских беглецов, покинув поле боя в полном порядке, несмотря на тяжелые потери. После этого турки подвергли провинцию дикому разграблению так, что население вынуждено было бежать на побережье.[29]

Еще раньше третья группа аланской элитной кавалерии была откомандирована под начало Михаила IX, который собирал в Анатолии большую армию. Все источники отмечают как личную храбрость 24-летнего Михаила, так и его неопытность как военачальника. Перед Пасхой (22 апреля) он начал движение к Магнезии на Герме. Поначалу турки отступили в горы, прячась в укреплениях на перевалах, откуда и наблюдали за равниной вокруг Магнезии, занятой аланами и византийцами. Хорошо укрепленные горные перевалы в руках турок представляли серьезную опасность византийскому контролю. Они охраняли пути, ведущие из турецких пастбищ на плато, прямо в византийские сельскохозяйственные районы на побережье.[30]

Грегора сообщает, что турки выжидали, наблюдая из укреплений за противником.[31] Наиболее их агрессивные группы нападали на отдельные отряды алан, якобы грабивших окрестности. Когда император Михаил понял, что аланы уже не повинуются приказам его офицеров, он укрылся за стенами Магнезии, а аланы постепенно отступили к Геллеспонту. Таким образом, Грегора возлагает всю вину на их недисциплинированность. По его словам, их «позвали из страны скифов как будто бы нарочно для того, чтобы показать туркам наиболее короткий путь к морю».[32] Это как раз тот случай, когда свидетельства Пахимера предпочтительны по сравнению с оценками Грегоры, жившего с 1295 по 1360 гг. и не являвшегося очевидцем описанных действий. Пахимер же составлял свой отчет по горячим следам и отнюдь не ставил в вину аланам этот неблагоприятный поворот событий. Он недвусмысленно возлагал вину на неопытность императора и непрофессионализм его офицеров.

Согласно отчету Пахимера, 22 апреля император Михаил IX направился к Магнезии на Герме, возглавив большую армию с элитной аланской кавалерией. Последняя своими грамотными действиями очистила равнину от «безобразничающих в селениях» турок, захватив большое количество пленных и «богатые военные трофеи». Турки бежали в горы. Вдохновленный Михаил убеждал офицеров атаковать турок, пока они не оправились от поражения и не приготовились к обороне.

Пахимер указывает, что инициатива была на стороне византийцев, и моральный дух в войсках был высок, благодаря решительным действиям алан, не потерявшим в атаке ни одного бойца. Однако византийские воеводы сорвали начатое наступление, убедив императора остановить атаку, якобы опасаясь за его жизнь. Фактически Пахимер обвинил византийских командиров в трусости: «И огромная и хорошо вооруженная армия вернулась (в Магнезию – A. I., S. J.), так и не завершив успешно начавшееся наступление».[33] Можно лишь представить возмущение алан – закаленных ветеранов монгольских армий таким поведением византийских командиров. Как и следовало ожидать, эти события обернулись катастрофой. Ободренные неожиданным и незаслуженным успехом турки огромной массой бросились на беззащитные селения, грабя и убивая. А в это время византийская армия скрывалась за стенами Магнезии и наблюдала, как бедные христиане спасались бегством на островах у западного побережья. Теперь, когда проходы в сельскохозяйственные районы были разблокированы, турки могли там хозяйничать беспрепятственно.

Тем временем договорный год службы алан у византийцев истек, и они решили, что такого «лидерства» с них довольно. Они объяснили императору, что их никогда не использовали для затяжных военных компаний, и у Ногая они участвовали только в решающих сражениях, а затем отправлялись на отдых и восстановление. Весьма примечательно, что за девять веков до этого римский офицер, служивший при дворе гуннского вождя Аттиллы, рассказывал римскому дипломату Приску, что «у скифов (так он называл алан – A. I., S. J.) принято отдыхать и наслаждаться тем, что им положено после битв».[34] Кроме того, этой группе алан уже стало известно, как византийцы пожертвовали их сородичами из первого контингента в безнадежной ситуации у Вафеи. Пахимер полагал, что и без императорского разрешения аланы собирались поступить по-своему.

Для Михаила ситуация складывалась неблагоприятно. Многие солдаты его анатолийского войска дезертировали, чтобы защитить свои семьи и хозяйства. Теперь все зависело от алан. Император просил их продлить срок службы хотя бы на три месяца, клятвенно обещая дополнительную плату и заверяя, что письменно просил своего отца выделить необходимые средства. Тем временем Осман и другие турецкие вожди собирали силы, чтобы напасть на разлагавшиеся имперские войска. Аланы, отслужив три обещанные месяца, в 1303 г. покинули императорский лагерь. Оставшийся без самой боеспособной части император бежал из Магнезии под покровом зимней ночи, бросив свою армию на произвол судьбы. Византийское сопротивление окончательно распалось.[35]

Между тем, несмотря на отчаянные призывы Андроника вернуться, аланы двигались к побережью, намереваясь переправиться на Галлиполлийский полуостров. Здесь мы должны напомнить, что все это время их семьи оставались на европейском берегу в пределах Фракии. И аланы, традиционно преданные своим близким, желали как можно быстрее с ними соединиться. В этот драматический момент старый император отправил войска под командованием Алексия Раула, чтобы воспрепятствовать аланской переправе или конфисковать у них лошадей и вооружение, предоставленные государством.[36] Аланы категорически отказались следовать императорским уговорам, допуская, однако, возможность вернуться после отдыха и встречи со своими семьями. Захватив суда, они начали переправу на противоположный берег в места, выбранные по своему усмотрению. В этом фрагменте текста Пахимер делает ремарку, демонстрирующую аланское понимание чести: «Большинство из них взяли с собой легкое оружие, годное не столько

для битвы, сколько для предотвращения возможного покушения на их честь и достоинство». Когда Раул догнал их, он был настолько оскорблен неповиновением, что повел своих людей в атаку, опрометчиво полагая, что одно его присутствие остановит сопротивление легковооруженных алан. Но те развернулись в боевой порядок и приготовились дать бой византийцам. При этом один из аланских воинов хладнокровно поразил «великого доместика» Раула стрелой.

Это остановило греков, но и остудило пыл алан. Ведь они находились на византийской территории в окружении превосходящего по численности войска, вдали от семей, и, по словам Пахимера, почувствовали, что «их попутал бес, и они заплатили злом за добро», нарушив договор. Поэтому они возвратили лошадей и попросили у императора прощения. Здесь Пахимер отмечает, что изначально эта группа алан состояла из тяжеловооруженных всадников и пехотинцев (гоплитов). Получив прощение, они остались на службе, но только после того, как повидались с семьями во Фракии.[37]

Между тем история с бездарным использованием военной аланской элиты научила кое-чему византийцев. Андроник II пригласил другую компанию наемников. На этот раз это была Каталанская Компания во главе с бывшим тамплиером Рогером де Флором. Его войско состояло из представителей многих стран, в том числе, и Каталонии. Но большинство были арагонцами, включая наиболее подготовленных алмогаверов из горных районов Арагона.[38] Как и аланы, каталанцы имели репутацию хороших воинов, отличившихся в сражениях Фредерика Арагонского с Шарлем Анжуйским в войне Сицилийской Вечери. В отличие от алан им были обещаны высокое жалование и возможность сражаться в едином отряде под командой собственных офицеров. Что касается чрезвычайно амбициозного Рогера де Флора, согласно описанию Пахимера, «человека ужасных качеств, молодого, горячего, быстрого в действиях и скорого на расправу», то он навлек великое бедствие на империю, а также на алан.[39] В сентябре 1303 г. каталанцы прибыли в Константинополь. По весьма точным сведениям Мунтанера (он отвечал за их снабжение), в их число входили 1500 всадников, 4000 алмогаверов, 1000 других пехотинцев, плюс матросы и гребцы-рабы на галерах флотилии. Кроме этого прибыли семьи – жены, дети и любовницы (которых не было у алан, не столь «цивилизованных», как европейцы). Адроник II и его придворные осыпали каталанцев всевозможными милостями: высокой оплатой, титулами для командиров, а Рогеру де Флору еще была пожалована в невесты племянница императора и титул «великого герцога».[40]

Первое нежелательное происшествие случилось сразу после роскошного приема. Разгоряченные вином, чувствительные к вопросам национальной чести алмогаверы учинили кровавую резню генуэзцам, с которыми повздорили накануне. Император был вынужден лично вмешаться, чтобы прекратить кровопролитие. Сразу после этого власти поспешили отправить каталанцев на полуостров Артакию в Анатолию, где последние одержали убедительную победу над турками. Положение византийцев несколько улучшилось после того, как каталанцы заняли главный город полуострова Кизик, в котором и остались на зиму. Там к ним присоединились аланы Гиргона.

Пахимер и Грегора единодушно осуждают произвол, творимый каталанцами в отношении местного населения, для которого они являлись «сущим проклятием».[41] Под их влиянием аланы также стали участвовать в грабеже, правда, в отличие от каталанцев, не были замечены в насилии. Обе группы наемников жаловались на недоплаты византийцев.

Весной Рогер де Флор отправился с этими жалобами в Константинополь. Примечательно то, что он потребовал обеспечить обмундированием также и алан, которые, по его словам, «настолько отважны в бою, насколько теперь он перестает доверять собственным солдатам». Эти оценки приводит Пахимер, но они, как и следовало ожидать, отсутствуют у Мунтанера. Однако Рогер, будучи германо-итальянцем, мог испытывать разногласия со своими арагоно-каталанскими подчиненными. В любом случае, покидая имперскую столицу, он увозил лошадей для алан, а также провизию и оплату для своей армии. В первых числах марта он возвратился на полуостров.[42]
На этот раз аланы стали выражать недовольство по поводу неравноправной оплаты. Бартус, подробно изучивший военный истэблишмент в поздней Византии, подсчитал, что аланы получали 3 «гиперпирона» в месяц, тогда как каталанский всадник – 34, а пехотинец – 8, 5. Гиперпирон был золотой монетой, немного уступавшей в цене старому солиду или номизме.[43] Таким образом, аланский воин получал только треть того, что византийцы платили каталанскому пехотинцу, и только одиннадцатую часть от жалования каталанского всадника. Естественно, что аланы, даже те, которые бесплатно получили лошадей, считали это несправедливым.[44]
Тем временем Андроник послал свою сестру (тещу Рогера) с тем, чтобы она убедила каталанского командира активизировать военные действия. По ее прибытию в лагерь все войско выстроилось для получения очередных выплат. При этом аланы воочию убедились, как мало им платят по сравнению с каталанцами. Это вызвало смешанное чувство гнева и враждебности к европейским наемникам. Следующий случай только усилил неприязнь. Несколько алан отправились на мельницу смолоть зерно, доставленное вместе с денежным довольствием. Там они увидели, как алмогаверы пытались изнасиловать хозяйку мельницы. Аланы бросились на защиту и спасли ее. При этом один из алан угрожал поступить с командиром алмогаверов так же, как он поступил с великим доместиком Раулом. Алмогаверы приняли угрозу всерьез и затаили злобу на алан. Пахимер подробно описывает этот инцидент, в то время, как Мутанер его даже не упоминает, хотя именно он пытается объяснить последующие события, приведшие к гибели многих каталанцев, включая самого Рогера.[45]
Ночью 9 апреля 1304 года, когда аланы спали, алмогаверы напали на них большим числом. Одни бросали копья с крыш, другие поджидали окруженных у дверей, чтобы снаружи убивать выбегающих. В ответ аланы схватили свои луки и стрелы. Согласно Пахимеру, жертвы множились с обеих сторон до тех пор, пока сын Гиргона, «отважный воин и важный командир», не был насмерть поражен копьем алмогавера. Рогер, возможно отдавший приказ о предательской атаке, наконец, вмешался и отвел своих людей. Но утром столкновения возобновились. В результате погибло 300 алан и неустановленное число алмогаверов. Согласно источникам, во время нападения Гиргон отсутствовал, и этим можно объяснить решение алмогаверов напасть на ничего не подозревавших алан. Вернувшись в лагерь через несколько дней, Гиргон пришел в ярость, узнав о гибели сына и своих людей. Аланский закон призывал его к мести. Рогер начал понимать, в какой опасности оказался он и его люди в результате этих безрассудных действий. Поэтому, держась на расстоянии, пытался всячески задобрить Гиргона, посылая богатые дары, надеясь, что тот примет их в качестве компенсации. Но, как отмечает Пахимер, «Гиргон затаил месть до поры, до полного удовлетворения обиды».[46] Греки и каталанцы не понимали, что для алан материальные компенсации не имели решающего значения. И, если Гиргон, получив их, отказался бы от мести за

сына, то он рисковал гораздо большим-потерей уважения своих людей. Через месяц после этих трагических событий армия двинулась на юг к Ахираосу (по-турецки – Беликесиру). Пахимер говорит о 6000 «итальянцев», имея ввиду каталанцев и других латинян, а также о 1000 алан и неопределенном числе византийцев в ее составе. Рогер единолично руководил этими силами, распределял жалование и аммуницию, а также мародерствовал по своему усмотрению. По выражению Бартуса, поход превратился в «блистательный блицкриг». Менее чем за пять месяцев войска с победными боями, благодаря сокрушительным ударам аланской кавалерии, прошли всю внутреннюю Анатолию от Кизика до Малой Армении.[47] По пути были освобождены Филадельфия, находившаяся в длительной турецкой осаде, и Эфес. Однако, когда каталанцы вернулись из похода, жители Магнезии, хорошо запомнившие их грабежи и насилие, отказались впускать войска. Взбешенный Рогер осадил город. Постепенно каталанцы во главе с Рогером стали превращаться в угрозу имперскому порядку.

Аланы Гиргона, число которых сократилось до 500, и которые больше не получали жалование и продовольствие, а также не могли забыть гибель своих товарищей от рук каталанцев, фактически оказались предоставлены самим себе и обретались в окрестностях города Пеги. В конце концов Андроник вспомнил о них, выслал денег и попросил вернуться под его знамена. Но аланы ответили отказом, предпочитая, по словам Пахимера, «лучше умереть, чем снова служить с каталанцами». В то же время они еще раз продемонстрировали свои исключительные военные способности: их отряд из 200 всадников наголову разбил турецкий авангард в 900 человек, уничтожив более половины, и почти без потерь вышел из боя.[48]

Вышеупомянутый каталанский историк XVII века де Монкада пытался возложить вину за выступление жителей Магнезии против Рогера де Флора на алан. Последние якобы подбивали жителей города на восстание, тая злобу на каталанцев. С помощью алан горожане закрыли ворота перед каталанцами, оставив их в чистом поле. Рогер объявил магнезийцев мятежниками и решил осадить город силами каталанцев и частью алан, оставшихся верными латинянам. Не имея возможности подтвердить или опровергнуть эту версию с помощью других источников, нам остается константировпть тот факт, что в этой осаде погибли многие аланы и жители Магнезии. Тем не менее, они держались до тех пор, пока император Андроник, наконец, не отозвал Каталанскую Компанию и отправил ее во Фракию, чтобы помочь Михаилу IX подавить мятеж, угрожавший северным рубежам империи.

Пахимер сообщает весьма примечательную информацию, согласно которой, Михаил предупреждал отца, что его армия, особенно аланы и солдаты из разоренных (каталанцами) анатолийских деревень, могут взбунтоваться, если «каталанцы к ним приблизятся».[49]

Зная об этом, Рогер отвел свою Компанию в Галлиполи, где каталанцы оставались всю зиму 1304-1305 гг. Весной каталанцы отказались подчиняться приказам императора, пока не получили причитающуюся плату за зимние месяцы. В этот момент Рогер совершил невероятный поступок, от которого его предостерегали все: и жена, и теща, и все его офицеры. Несмотря на их увещевания, он отправился с визитом в ставку молодого императора Михаила, находившуюся в Адрианополе. Рогер прекрасно знал, что в составе императорских войск находился большой контингент алан под командованием Гиргона, которые, как, впрочем, и вся императорская армия, были злы на каталанцев. Может быть, Рогер надеялся каким-то образом примириться с Гиргоном, кто знает? Если так, то последний не собирался принимать никаких извинений и убил Рогера сразу же, как тот

появился в Адрианополе.
Отчеты Мунтанера и Пахимера приводят разные версии случившегося. Византийский источник списывает все исключительно на месть алан и их командира, подчеркивая, что Михаил не имел к этому никакого отношения. А Мунтанер возлагает всю ответственность на молодого императора.[50] Алемани полагает, что это было сделано с ведома и даже по приказу Михаила. Последний использовал алан, жаждавших отомстить кровнику, в качестве орудия своих намерений. Большинство каталанцев, прибывших с Рогером, также были убиты. После этого соединение алан и, так называемых, «туркополов» (наемников из Фракии) безуспешно пытались штурмовать галлиполийское укрепление каталанцев. Аланы прибегли к своей излюбленной тактике «ложного отступления», пытаясь выманить каталанцев в поле. Однако последние были хорошо знакомы с этой военной хитростью и не поддались на уловку. После этого аланы ушли на север к семьям. За ними скрытно последовали каталанцы, чтобы атаковать их лагерь во время отдыха. Все закончилось трагически для многих алан. Они не могли развернуться в боевой порядок, ибо каждый пытался защитить родных. Каталанцы, готовя свой удар, хорошо знали об исключительной преданности алан своим семьям, многие из которых погибли, в одиночку сражаясь у своих шатров, чтобы спасти родственников, Те, кто выжил в этой ужасной резне, с остатками семей в 1306 году ушли в Болгарию.
Так закончилась последняя византийская сага алан, как вскоре и сама Византийская империя, прекратившая свое существование под ударами турок, так и не сумевшая по достоинству оценить одних из самых лучших бойцов того времени. Непонимание обычаев, традиций и особенностей военной культуры православных союзников-алан представителями династии Палеологов, их неумение наилучшим образом использовать боевые качества этих последних рыцарей средневековья для защиты своего государства приблизили его бесславный конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Mark C. Bartusis, The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204-1453(Philadelphia: University of Pensylvania Press, 1992), 78.
2. Antoni Rubio i Lluch, La companyia Catalana sota el Comandament de Teobald de Cepoy, 1307-1310 (Barcelona: Institut d'Estudias Catalans, 1923); La Espedicion y Dominacion de los Catalans en Oriente juzgadas pos los Griegos, Memorias de la Real Acadamia de Buenos Letras de Barcelona, vol. IV(Barcelona, 1893); "Niceforo Gregoras y la expedicion de los Catalanes a Oriente, "Museo Balear de Historia y Literatura, Ciencias y Artes, 2d ser. , 2(1885), 401-408, 522-528, 561-574, 601-611 (a translation of relevant sections of Gregoras into Spanish); Paquimeres y Muntaner. Memories de la seccio historico-arqueologica del Institut d'Estudis Catalans, vol. 1. (Barcelona, 1927).
3. Лоуи – псевдоним доктора L. J. A. Loewenthat, известного испанского врача-дерматолога, одаренного писателя и знатока Испании. Не будучи профессиональным историком, он написал работу, которая удостоилась высокой оценки авторитетного издания The English Historical Review 89 (1974): 661.
4. Agusti Alemany, Sources on the Alans: A Critical Compilation, Handbook of Oriental Studies, section 8, vol. 5 (Leiden, Boston, Cologne: Brill 2000, especially pp. 213-218; "Alans contra Catalans a Bizanci (1): L'Origen dels Alans de

Girgon, ” Faventia 12/13 (1990): 269-278.

[5.] Ramon Muntaner, Cronica Catalana, ed. Antonio Bofarull (Barcelona, 1860). There are many other editions such as Nicolau d'Olwer, Ramon Muntaner. L'expedicio dels Catalans a Orient (Barcelona, 1926). Коллекция документов об аланах, включая отрывки из хроники Мунтанера, издана в переводе на русский язык в 2003 году. См. Agusti Alemani, Аланы в древних и средневековых письменных источниках. Москва : «Менеджер» 2003. Ред. и перевод К. Кочиев и Д. Медоев.

[6.] English translations are Lady Goodenough, The Chronicle of Muntaner, 2 vols (London: Hakluyt Society, 1920, 1921), Available on the Internet, and Robert D. Hughes, The Catalan Expedition to the East : from the 'Chronicle' of Ramon Muntaner' (Woodbridge: Tamesis, 2006). A new French translation has been made by Jean-Marie Babrera, Les Almogavres: l'expedion des Catalans en Orient: Ramon Muntaner (Toulouse: Ancharsis, 2002).

[7.] Frances Hernandez' English translation, The Catalan Chronicle of Francisco de Moncada (El Paso: Texas Western Press, 1975).

[8.] Fortunately there is fine new edition by Albert Failler and translated by Vitalien Laurent (except for vol. 4), Georges Pachymereres. Relations historiques, 4 vols. Corpus Fontium Historiae Byzantinae (Paris: Institute Francais d'Etudes Byzantines, 1984-1999). The material on the Alans is in vol. 4, which was also translated by Failler. Older works still cite the Greek edition of I. Bekker, Georgii Pachymeres de Michaele et Andronico Palaeologis, 2 vols (Bonn: CSHB, 1835).

[9.] Источниковедческая экспертиза сообщений Пахимера содержится в работе Angeliki E. Laiou, Constantinople and the Latins: The Forein Policy of Andronicus II, 1282-1328 (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1972), 345-47, and Alemany, Sources on the Alans, pp. 213-218.

[10.] The version we have consulted is Rhomaische Geschicte, trans. and commentary by Jan Louis van Dieten, vol. 4 of Bibliothek der Griechischen Literatur (Stuttgart: Anton Hiersemann, 19730. The Greek edition is still Nicephori Gregorae Byzantina Historia, ed. L. Shopen, 3 vols. (Bonn: CSHB, 1829, 1830, 1855).

[11.] См. Laiou, Constantinople, pp. 348-349. Алемани вообще не упоминает Грегора.

[12.] Laiou, Constantinople, chapter "The Palaiologoi and the world around them (1261-1400)", in The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500-1492, ed. by Jonathan Sheppard (Cambridge, New-York: Cambridge University Press, 2008), pp. 803-834. For the military situation, Bartusis, Late Byzantine Army, esp. pp. 67-84.

[13.] Pachymeres, 4: 338-339. Gregoras, Rhomaische Geschicte, chap. 10, p. 358, упоминает как дату прибытия алан 1300 год, числом 10000 воинов с семьями. В отношении алан он употребляет архаичный этноним «массагеты», точно так же, как он и другие византийские писатели называли монголо-татар «скифами». Предыдущее же поколение авторов употребляло термин «куманы», то есть половцы.

[14.] Vladimir Kouznetsov and Iaroslav Lebedinsky, Les Alains: cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase (Paris, Editions Earrance, 1997), pp. 122-126; Alemany, "Alans contra Catalans", 274-276.

[15.] Pachymeres, 2: 242, chap. III. 5.

[16.] Gregoras, Rhomainsche Geschicte, chap. VI. 10, p. 358.

[17.] Pachymeres, 4: 338-39; Gregoras, loc. cit.

[18] См. Алан Сланов, Военное дело алан, I-XV вв. Владикавказ, 2007, табл. С X, С XI, С XII, С XIII.
[19] См. Л. Г. Бескровный, (ред.), Куликовская битва. Сборник статей. Москва, 1980.
[20] Muntaner, Pachymeres. 4: 464-65, XI. 21.
[21] См. В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка. Москва– Ленинград: АН СССР, 1958, том 1, с. 531.
[22] Alemany, Sources on the Alans, p. 210; см. также, С. Н. Малахов, Алано-византийские заметки, часть I //Аланы: история и культура. Владикавказ, 1994, том III, сс. 377-378.
[23] Pachymeres, 4: 338-39, X. 16 and note 2 by Failler. Gregoras, p. 358, пишет о том, что император Андроник не доверял греческим войскам, в которых отсутствовала дисциплина.
[24] Alemany, Sources on the Alans, p. 210; p. 182; 197, p. 231.
[25] Pachymeres, 4: 338-41.
[26] Pachymeres, 4: 340-41, chap. X. 16.
[27] Alemany, Sources on the Alans, p. 231; см. также, Сланов, Военное дело алан, сс. 178-219.
[28] Там же, с. 216.
[29] Pachymeres, 4: 366-67, chap. X. 23.
[30] Keith R. Hopwood, "The Byzantine– Turkish Frontier c. 1250-1300", Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO– Symposiums, deremilitari. com.
[31] Pachymeres, 4: 340-41, chap. X. 17, Gregoras, pp. 170-71.
[32] Gregoras, p. 171.
[33] Pachymeres, 4: 340-41, chap. X. 17.
[34] Цитата из Приска приведена у C. D. Gorgon, The Age of Attila (Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1972).
[35] Pachymeres, 4: 348-49.
[36] Pachymeres, 4: 350-51, chap. X. 22.
[37] Pachymeres, 4: 352-53.
[38] О военной составляющей Компании см. Roger Sablonier, Krieg und Kriegertum in der Cronica des Ramon Muntaner (Bern and Frankfurt: Verlag Herbert Lang, 1971), part two, "Katalanisches Kriegertum", pp. 49-128; Bartusis, Bizantine Army, esp. pp. 144-55, 199-205.
[39] Pachymeres, 4: 430-31, chap. X. 12.
[40] Laiou, Constantinople, p. 134; Muntaner, chap. CCL.
[41] Pachymeres, 4: 456-57, chap. XI. 21.
[42] Pachymeres, 4: 456-57, XI. 21; Moncada, Catalan Chronicle, p. 39.
[43] Bartusis, Byzantine Army, p. 153.
[44] Pachymeres, loc. cit.
[45] Pachymeres, 4: 464-65, chap. XI. 21.
[46] Pachymeres, 4: 464-65, chap. XI. 21.
[47] Batusis, Byzantine Army, p. 79.
[48] Pachymeres, 4: 496-97, chap. XI. 31.
[49] Pachymeres, 4: 496-98, chap. XI. 31.
[50] Muntaner, chap. CCL.